

Антон Павлович Чехов

КАЗАК

Арендатор хутора Низы Максим Горчаков, бердянский мещанин, ехал со своей молодой женой из церкви и вез только что освященный кулич. Солнце еще не всходило, но восток уже румянился, золотился. Было тихо... Перепел кричал свои: "пить пойдем! пить пойдем!", да далеко над курганчиком носился коршун, а больше во всей степи не было заметно ни одного живого существа.

Горчаков ехал и думал о том, что нет лучше и веселее праздника, как Христово воскресенье. Женат он был недавно и теперь справлял с женой первую Пасху. На что бы он ни взглянул, о чем бы ни подумал, всё представлялось ему светлым, радостным и счастливым. Думал он о своем хозяйстве и находил, что всё у него исправно, домашнее убранство такое, что лучше и не надо, всего довольно и всё хорошо; глядел он на жену - и она казалась ему красивой, доброй и кроткой. Радовала его и заря на востоке, и молодая травка, и его тряская визгливая бричка, нравился даже коршун, тяжело взмахивавший крыльями. А когда он по пути забежал в кабак закурить папиросу и выпил стаканчик, ему стало еще веселее...

- Сказано, велик день! - говорил он. - Вот и велик! Погоди, Лиза, сейчас солнце начнет играть. Оно каждую Пасху играет! И оно тоже радуется, как люди!

- Оно не живое, - заметила жена.

- Да на нем люди есть! - воскликнул Горчаков. - Ей-богу, есть! Мне Иван Степаныч рассказывал - на всех планетах есть люди, на солнце и на месяце! Право... А может, ученые и брешут, нечистый их знает! Постой, никак лошадь стоит! Так и есть!

На полдороге к дому, у Кривой Балочки, Горчаков и его жена увидели оседланную лошадь, которая стояла неподвижно и нюхала землю. У самой дороги на кочке сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги.

- Христос воскрес! - крикнул ему Максим.

- Воистину воскрес, - ответил казак, не поднимая головы.

- Куда едешь?

- Домой, на льготу.

- Зачем же тут сидишь?

- Да так... захворал... Нет мочи ехать.

- Что ж у тебя болит?

- Весь болю.

- Гм... вот напасть! У людей праздник, а ты хвораешь! Да ты бы в деревню или на постоялый ехал, а что так сидеть?

Казак поднял голову и обвел утомленными больными глазами Максима, его жену, лошадь.

- Вы это из церкви? - спросил он.

- Из церкви.

- А меня праздник в дороге застал. Не привел бог доехать. Сейчас сесть бы да ехать, а мочи нет... Вы бы, православные, дали мне, проезжему, свяченой пасочки¹ разговеться!

- Пасочки? - спросил Горчаков. - Оно можно, ничего... Постой, сейчас...

Максим быстро пошарил у себя в карманах, взглянул на жену и сказал:

- Нету у меня ножика, отрезать нечем. А ломать-то - не рука, всю паску испортишь. Вот задача! Поищи-ка, нет ли у тебя ножика?

Казак через силу поднялся и пошел к своему седлу за ножом.

¹ На юге кулич называют "пасхой" или "паской"

- Вот еще что выдумали! - сердито сказала жена Горчакова. - Не дам я тебе паску кромсать! С какими глазами я ее домой порезанную повезу? И видано ль дело - в степи разговляться! Поезжай на деревню к мужикам да там и разговляйся!

Жена взяла из рук мужа кулич, завернутый в белую салфетку, и сказала:

- Не дам! Надо порядок знать. Это не булка, а свяченная паска, и грех ее без толку кромсать.

- Ну, казак, не прогневайся! - сказал Горчаков и засмеялся. - Не велит жена! Прощай, путь-дорога!

Максим тронул вожжи, чмокнул, и бричка с шумом покатила дальше. А жена всё еще говорила, что резать кулич, не доехав до дому, - грех и непорядок, что всё должно иметь свое место и время. На востоке, крася пушистые облака в разные цвета, засияли первые лучи солнца; послышалась песня жаворонка. Уж не один, три коршуна, в отдалении друг от друга, носились над степью. Солнце пригрело чуть-чуть, и в молодой траве затрещали кузнечики.

Отъехав больше версты, Горчаков оглянулся и пристально поглядел вдаль.

- Не видать казака... - сказал он. - Экий сердяга, вздумал в дороге хворать! Нет хуже напасти: ехать надо, а мочи нет... Чего доброго, помрет в дороге... Не дали мы ему, Лизавета, паски, а небось и ему надо было дать. Небось и ему разговеться хочется.

Солнце взошло, но играло оно или нет, Горчаков не видел. Всю дорогу до самого дома он молчал, о чем-то думал и не спускал глаз с черного хвоста лошади. Неизвестно отчего, им овладела скука, и от праздничной радости в груди не осталось ничего, как будто ее и не было.

Приехали домой, христосовались с работниками; Горчаков опять повеселел и стал разговаривать, но как сели разговляться и все взяли по куску свяченого кулича, он невесело поглядел на жену и сказал:

- А нехорошо, Лизавета, что мы не дали тому казаку разговеться.

- Чудной ты, ей-богу! - сказала Лизавета и с удивлением пожала плечами. - Где ты взял такую моду, чтобы свяченную паску раздавать по дороге? Нешто это булка? Теперь она порезана, на столе лежит, пушай ест, кто хочет, хоть и казак твой! Разве мне жалко?

- Так-то оно так, а жалко мне казака. Ведь он хуже нищего и сироты. В дороге, далеко от дому, хворый...

Горчаков выпил полстакана чаю и уж больше ничего не пил и не ел. Есть ему не хотелось, чай казался невкусным, как трава, и опять стало скучно.

После разговенья легли спать. Когда часа через два Лизавета проснулась, он стоял у окна и глядел во двор.

- Ты уже встал? - спросила жена.

- Не спится что-то... Эх, Лизавета, - вздохнул он, - обидели мы с тобой казака!

- Ты опять с казаком! Дался тебе этот казак. Бог с ним.

- Он царю служил, может, кровь проливал, а мы с ним как с свиньей обошлись. Надо бы его, больного, домой привезть, покормить, а мы ему даже кусочка хлеба не дали.

- Да, так и дам я тебе паску портить. Да еще свяченную! Ты бы ее с казаком искромсал, а я бы потом дома глазами лупала? Ишь ты какой!

Максим потихоньку от жены пошел в кухню, завернул в салфетку кусок кулича и пяток яиц и пошел в сарай к работникам.

- Кузьма, брось гармонию, - обратился он к одному из них. - Седлай гнедого или Иванчика и езжай поживее к Кривой Балочке. Там больной казак с лошадьёю, так вот отдай ему это. Может, он еще не уехал.

Максим опять повеселел, но, прождав несколько часов Кузьму, не вытерпел, оседлал лошадь и поскакал к нему навстречу. Встретил он его у самой Балочки.

- Ну что? Видал казака?

- Нигде нету. Должно, уехал.

- Гм... история!

Горчаков взял у Кузьмы узелок и поскакал дальше. Доехав до деревни, он спросил у мужиков:

- Братцы, не видали ли вы больного казака с лошадью? Не проезжал ли тут? Из себя рыжий, худой, на гнедом коне.

Мужики поглядели друг на друга и сказали, что казака они не видели.

- Обратный почтовый ехал, это точно, а чтоб казак или кто другой - такого не было.

Вернулся Максим домой к обеду.

- Сидит у меня этот казак в голове и хоть ты что! - сказал он жене. - Не дает покою. Я всё думаю: а что ежели это бог нас испытать хотел и ангела или святого какого в виде казака нам навстречу послал? Ведь бывает это. Нехорошо, Лизавета, обидели мы человека!

- Да что ты ко мне с казаком пристал? - крикнула Лизавета, выходя из терпения. - Пристал, как смола!

- А ты, знаешь, недобрая... - сказал Максим и пристально поглядел ей в лицо.

И он впервые после женитьбы заметил, что его жена недобрая.

- Пущай я недобрая, - крикнула она и сердито стукнула ложкой, - а только не стану я всяким пьяницам свяченную паску раздавать!

- А нешто казак пьяный?

- Пьяный!

- Почему ты знаешь?

- Пьяный!

- Ну и дура!

Максим, рассердившись, встал из-за стола и начал укорять свою молодую жену, говорил, что она немилосердная и глупая. А она, тоже рассердившись, заплакала и ушла в спальню и крикнула оттуда:

- Чтоб он околел, твой казак! Отстань ты от меня, холера, со своим казаком вонючим, а то я к отцу уеду!

За всё время после свадьбы у Горчакова это была первая ссора с женой. До самой вечерни он ходил у себя по двору, всё думал о жене, думал с досадой, и она казалась теперь злой, некрасивой. И как нарочно, казак всё не выходил из головы и Максиму мерещились то его больные глаза, то голос, то походка...

- Эх, обидели мы человека! - бормотал он. - Обидели!

Вечером, когда стемнело, ему стало нестерпимо скучно, как никогда не было, - хоть в петлю полезай! От скуки и с досады на жену он напился, как напивался в прежнее время, когда был неженатым. В хмелю он бранился скверными словами и кричал жене, что у нее злое, некрасивое лицо и завтра же он прогонит ее к отцу.

Утром на другой день праздника он захотел опохмелиться и опять напился.

С этого и началось расстройство.

Лошади, коровы, овцы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой... Все эти напасти, как говорил Максим, произошли оттого, что у него злая, глупая жена, что бог прогневался на него и на жену... за больного казака. Он всё чаще и чаще напивался. Когда был пьян, то сидел дома и шумел, а трезвый ходил по степи и ждал, не встретится ли ему казак...